

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ

ВОРОНЕЖСКИЙ И БОРИСОГЛЕБСКИЙ АРХИПАСТЫРЬ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ "СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ"¹

Нужно помогать людям

Ваше Высокопреосвященство, дорогие отцы, братья и сестры!

Должен прежде всего сказать вам, что в советское время законодательство запрещало Церкви заниматься благотворительностью — это был закон «О свободе совести» 1929 года. Нарушители этого закона несли уголовную ответственность. Поэтому от того расцвета благотворительности, который был до революции 1917 года, — Церковь имела свои богадельни, больницы, дома для подростков, — в годы советской власти не осталось и следа. Слава Богу, литургическая жизнь Церкви не прекращалась. Отдел религиозного образования и катехизации, Отдел по церковной благотворительности и социальному служению были созданы лишь на закате советского периода развития нашего государства. Еще во времена существования Советского Союза, но когда уже были послабления во всех сферах общественной, а также церковной жизни, был провозглашен принцип: разрешено все, что не запрещено законом. Это довольно странный принцип. Казалось бы, законодательство разрешало, но разные подзаконные акты толковали законодательство по-своему и часто запрещали. И то, что 31 января 1991 года были созданы два отдела в нашей Церкви, было нонсенсом, я бы сказал, в политической жизни страны.

Но тогда еще действовал Совет по делам религий. Получив назначение на должность председателя Отдела по церковной благотворительности и социальному служению и не имея ни площадей, где разместить Отдел, ни людей, которые желали бы работать, я обратился к председателю Совета по делам религий, но он не мог никак отреагировать на решение Священного Синода, потому что в государственную структуру это решение никак не вписывалось.

Тем не менее, мы начали действовать: подготовили уставы двух наших отделов и зарегистрировали их. Так что еще при советской власти каждый из этих отделов получил статус юридического лица.

Но что делать дальше? Это было время карточек, невозможно ничего купить, все приходилось доставать. И в этот момент для Церкви стала поступать гуманитарная помощь от различных христианских организаций. Но в советский период этими средствами епископу или настоятелю нельзя было самостоятельно распоряжаться, и, чтобы перекрыть крышу или разбить новый палисадник, он должен был обращаться к представителю Совета по делам религий, и тот ему разрешал или не разрешал. А потом появилась возможность распоряжаться средствами, но их не стало — произошла Павловская реформа, смена денег, и все в один миг обнищали, обнищала и Церковь. Таким образом, период становления был очень тяжелый. Перед нами стояла тогда только одна задача — поддержать голодающее население, голодающих пенсионеров, вдохнуть в них смысл жизни.

В то же время начали открываться приходы, монастыри. Понадобились деньги на их

¹ [Электронный документ]. — Режим доступа:
<http://www.vob.ru/mitropolit/trudi/intervent/2003.htm> Дата
обращения: 29.09.2013

реставрацию, и они стали требовать их от Отдела по церковной благотворительности. Но направлявшие нам гуманитарную помощь четко подчеркивали, что она — не на церковные программы, и мы не могли потратить ни одного рубля на то, чтобы поддержать монастырь или накормить голодных студентов. Приходилось всячески ухищряться: мы оформляли, например, помощь студентам как благотворительную программу, переписывали их поименно, и это проходило у нас как благотворительная столовая. Нам не хватало собственных кадров, поэтому мы прибегли к опыту Западных Церквей. Православные не сразу на это откликнулись, но очень хорошо откликнулись европейские лютеране, и мы им очень благодарны. Они провели ряд семинаров на территории Советского Союза, потом России, так что мы подготовили неплохие кадры не только здесь, в Москве, но и в епархиях.

Основной задачей Отдела было развитие системы благотворительности в епархиях и привлечение средств, организация гуманитарной помощи.

В результате нашей работы более чем 30 епархий получили гуманитарную помощь — миллионы тонн продуктов, миллионы долларов. Наш Отдел и люди на епархиальном уровне были честными и работали хорошо. Американские проверки правильности распределения товаров были очень придирчивыми, и даже малое нарушение могло привести к большим неприятностям.

Первые шаги благотворительности в России — это приобретение навыков распределения гуманитарной помощи. Потом пошли наши собственные программы.

В самом бедственном положении оказалась медицина: не было самого элементарного — бинтов, перевязочного материала. Сейчас получить помощь из-за рубежа почти невозможно — все требуют, чтобы она была оплачена. А в то время таможня была либеральной, и это нам позволило поддержать медицину в Москве и ряде других городов. С тех пор у нас очень хорошие отношения с Министерством здравоохранения России. Это первое министерство, с которым мы заключили договор о сотрудничестве, наша первая ласточка. Наше сотрудничество продолжается, но уже на ином уровне. Вслед за поставкой гуманитарной помощи, вслед за тем, что в больницах стали привыкать к появлению верующих людей, желающих помогать больным, начали открываться молитвенные комнаты, а потом — и больничные храмы. Сейчас их уже немало.

В лице медработников мы нашли добрых помощников в борьбе с сектантством. В начале 90-х годов был особенно массовый наплыв новых учителей, проповедников новых религий. И медицина помогала нам. К врачам стали обращаться люди, которые прошли через секты и стали психически больными — это был практический материал, который заставлял задуматься Правительство РФ о том, что секты наносят урон здоровью нации и ведут к разделению страны еще и по религиозному принципу.

Другим министерством, которое быстро откликнулось на наши проблемы, было Министерство труда, с которым мы очень активно работали, разработали много программ, предполагавших совместную помощь (с привлечением государственных денег) старикам и детям. Это для нас было очень важно, потому что каритативная благотворительная деятельность очень затратная, и часто приходилось преодолевать на местах нежелание епархий заниматься благотворительностью из-за того, что было необходимо открывать новые храмы, монастыри, и затратная статья на реставрацию, ремонт и строительство была огромная. Но помощь бедным людям тоже очень затратная. Слава Богу, что вкус к этой работе привился, остался, и теперь я не могу назвать епархию нашей Церкви, где бы в той или иной степени не велась работа по вопросам благотворительности. Но результаты этой работы зависят от того, насколько богаты епархии, насколько велико чувство долга у священника, я не говорю об архиерее — все они согласны этим заниматься, основная же работа идет на низовом, приходском уровне.

В результате последствий чернобыльской катастрофы в ряде областей, на которые из-за безденежья государство практически не обращало внимания, гибли дети. Нашему Отделу удалось наладить отношения с христианскими общественными организациями Италии.

Они нашли деньги, и это дало возможность в течение 6 — 7 лет направить на реабилитацию в Италию более тысячи человек. Здоровый воздух, здоровая пища делали чудеса, и за месяц реабилитации дети возвращались абсолютно здоровыми. Таким образом, мы помогли многим детям сохранить здоровье.

Какие трудности есть еще у нашего Отдела? До сих пор нет специалистов, которые были бы обучены и имели практику социальной работы.

Свято-Тихоновский Богословский институт в этом году провел второй выпуск специалистов по социальной работе. Но нужно трудоустроить их на приходы по специальности, которую они получили. Так как еще недостаточно стабильно финансовое положение нашей Церкви, принять специалиста, которого еще нужно обучать практическим навыкам каритативной работы, подчас трудно для священнослужителей, они чаще используют труд престарелых прихожанок и сами руководят этой работой. Но я верю, что пройдет какое-то время, и эти специалисты у нас будут, и наша Церковь накопит достаточно опыта и научных разработок по социальной работе.

Большая проблема сейчас с беженцами. В свое время мы помогали государству решать эту проблему, потому что те люди, которые назначались в эту вновь созданную структуру, не имели никакого опыта. И было такое время, когда они пользовались нашим опытом, нашими наработками. К сожалению, законодательство в нашей стране таково, что государство не может поддерживать благотворительную работу Церкви.

На местах возможно заключение договоров и соглашений о совместном финансировании какого-то проекта, без нарушения законодательства. Этот вопрос мы ставим остро на заседаниях правительственных групп, но пока дальше пожеланий дело не идет.

В 90-х годах была замечательная практика: 2 — 3 процента каждый предприниматель мог тратить на благотворительные программы, и на этой основе получила широкое развитие наша деятельность. К сожалению, сейчас вся благотворительная деятельность в нашей стране подорвана безденежьем, потому что не только Церковь, но и все общественные организации не получают этих процентов.

Большое влияние на состояние благотворительности оказывает политическая составляющая в жизни нашей страны. Например, почему сейчас невозможно провести таможенную очистку какого-нибудь гуманитарного груза? Потому что еще при Валентине Ивановне Матвиенко появилась такая составляющая, которая определила направление благотворительности. Вдруг сказали: «А вы знаете, какой урожай у нас в прошлом году был? Замечательный урожай, просто превосходный. Мы не знаем, что с ним делать. Вот берите этот урожай и занимайтесь благотворительностью». Но бесплатно этот урожай никто не дает. И мы договариваемся с нашими зарубежными партнерами о том, что не только бесплатно будет предоставлена мука, или масло, или крупа, или какая-то одежда, но даже довезут ее бесплатно до пунктов раздачи.

Потом второй посыл был, который наше Правительство сделало. Было сказано: «У нас нет бедных, сейчас все в порядке в государстве. Ну, есть отдельные люди, которые чувствуют себя не очень хорошо, но в принципе у нас все в порядке. Мы можем найти деньги на благотворительность, можем финансировать, можем этим заниматься». Это вводит в заблуждение таможенные комитеты. Ссылаясь на неписанные высказывания Правительства, они говорят: «Знаете, а у нас все в порядке. И поэтому, если вы хотите заниматься благотворительностью и вам дают эту благотворительность бесплатно, давайте ввозимое мы обложим льготным таможенным налогом». А это — миллионы долларов, потому что объемы огромнейшие. Поэтому не только наша Церковь, но и общественные организации резко снизили привлечение гуманитарной помощи из-за рубежа.

В 90-х годах работать было гораздо легче. Наши бизнесмены, которые только-только начинали что-то получать и у них еще не было шока от богатства, сами предлагали финансирование наших программ. Сейчас ситуация складывается таким образом, что кто-то за вечер в казино может потратить тысячу долларов, но если вы у него попросите хотя

бы пятьсот на какую-то программу, то он вам не даст этих денег. Но я оптимист, дорогие братья и сестры. В благотворительной деятельности мы пришли к тому, что нас мало-помалу приняли. Каждый почувствовал вкус благотворительности, каждый понимает, что нужно помогать людям. Сейчас часто складываются такие обстоятельства, что кроме Церкви никто не поможет, никто не заметит, никто не накормит. Это дает залог для оптимистического настроения. Очень надеюсь, что кончится наша экономическая кабала и Россия воспрянет экономически, и это даст возможность Церкви направлять свои свободные деньги на благотворительность.

Вопросы

В. (протоиерей Максим Козлов): У меня вопрос, может быть не прямо по вашему отделу, но в связи с Вашим служением. Владыко, в связи с упоминавшейся Социальной концепцией и другими результативными документами нашей Церкви, в частности документами Архиерейского Собора 2000 г., как кажется, если смотреть снизу с прихода, возникают проблемы. Одна из них связана с недостаточной информированностью наших верующих и нашего духовенства о тех постановлениях, которые принимаются в Церкви. В этом мы убеждаемся всякий год, принимая экзамены в заочном секторе Духовной семинарии, и даже Духовной академии, когда по-прежнему встречаются заочники, для которых документы Архиерейского Собора - есть вещи, которые они впервые берут в руки. А когда задаешь им вопрос, как же вы могли этого не знать, порождает странное недоумение в их глазах.

Как вам видятся пути в преодолении этой информационной недостаточности? Это первый, и второй с ним сопряженный вопрос, владыко, может быть более общего характера, как видится ситуация в целом с тем, что сейчас называют вертикалью власти? Вот сейчас выстраивается вертикаль власти в нашем государстве. Насколько вертикаль власти нашего Церковного управления сейчас является в достаточной мере работающей, и какие шаги планируются священноначалием, если это видится нужным, для оптимизации нашей управленческой структуры?

О.: Спасибо, отец Максим. Что мы можем сделать, чтобы каждый человек знал, определения Синода, той или иной документ, или Социальную концепцию нашей Церкви? Всё зависит от самого человека. Если он хочет это знать - будет заниматься, будет знать. Не желает - ничего не сделаете, абсолютно. Это будет потраченный труд. Сейчас, казалось бы, всё для того, бери и изучай. С материалами, публикациями у нас проблем нет. Интересуйся, изучай! Но всё равно люди не интересуются, не знают и не желают знать. Здесь должен быть смещен акцент на то, чтобы заниматься паствой вне богослужения, чтобы привить у нее интерес к церковной жизни, чтобы люди знали, что вредит душе, а что не вредит, и чтобы не было шатаний. Три дня назад состоялось заседание Синода. До и после заседания мы получили около тысячи телеграмм по ИНН и по отказу принимать новый паспорт, написанных как под копирку. Вы знаете, где бы я по епархиям ни ездил, везде беседовал. Никто со мной не вступал в полемику - это странно. Я устраивал встречи, чтобы изложить позицию Церкви. Все соглашались, её принимают, но потом все снова повторяется. Это странный момент, человек выстраивает как бы глухую стену между иерархией и народом. Я думаю, это противники единства Церкви - они это делают. И сейчас эта работа очень тонкая, потому что не делают её грубо, а под видом защиты Православия пытаются внедрить элементы, которые очень тонко влияют на душевное состояние нашей паствы.

Поэтому вопрос информированности - очень важен. Грамотный человек обязан знать Социальную концепцию, но, к сожалению, таких людей мало. Я думаю, что если опросить наше духовенство, знакомо ли оно с Социальной концепцией, окажется, что все не знакомы. Да, слышали, да, что-то там было. Но ведь этот документ интересен. У меня до

сих пор такое впечатление, что ничего-то нового и не приняли. Концепция - это правила, по которым жила Церковь, которые изложили на бумаге ясным, доступным современному пониманию, языком. Поэтому, священник должен знать, чем руководствоваться в практике, и должна быть его заинтересованность в изучении. Одно время на епархиальном уровне проводились семинары по Социальной концепцией, но, к сожалению, не долго. Мне хотелось бы, чтобы эти семинары проводились, и не только со светскими людьми, а в первую очередь с духовенством, чтобы это была живая беседа, чтобы духовенство что-то знало. Как епархиальный архиерей, я скажу, что добиться и достучаться до священнослужителя, чтобы он заинтересовался этими вопросами чрезвычайно трудно. Отсюда исходят все наши недоработки. Поэтому, мне кажется, нашим архиереям необходимо усилить работу с духовенством.

Что касается вертикали власти. Я сторонник жесткой вертикали власти, без этого Православия не может быть, но, к большому сожалению, образ жизни нашей страны влияет на жизнь нашей Церкви. И такое отрадное явление, когда к преподобному Сергию Радонежскому приезжают так много архиереев. Вчера там собралось около шестидесяти архиереев. Это отрадно и замечательно, но я должен сказать откровенно, что иногда наблюдается тенденция, когда архиереи начинают чувствовать соблазн власти: "А что мне Москва, а что мне Синод, а что мне Патриарх, я вот здесь живу, у меня хорошие отношения с губернатором, с представителями власти, и мне здесь хорошо". Особенно такая тенденция прослеживается, как ни странно, у молодого епископата. Я, по долгу своей работы и обязанности, часто вступаю с ними в полемику. И что мне только не приходится выслушивать: "Вы не уважаете власть архиерея, вы вмешиваетесь во внутренние дела епархии! Кто вам дал право спрашивать меня об этом?"

Вот к чему приводит отсутствие жесткой вертикали, и ни Святейшему Патриарху, ни Священному Синоду, не хотелось бы быть в роли жандармов. В Церкви всё должно быть построено на доверии, мы все служим одному Богу и одному Христу. Этот случай с останками владыки Антония, я думаю, даст пищу для размышления и епископату нашему, и Синоду, и Святейшему Патриарху, чтобы как-то принять меры, чтобы эту вертикаль строить более реально.

В. (записка из зала): По уставу РПЦ Архиерейский Собор должен созываться не реже одного раза в четыре года. Состоится ли Собор в 2004 году? Есть ли решения по этому вопросу?

О.: Созывает Архиерейский и Поместный Собор у нас Патриарх - он является инициатором созыва или, если чрезвычайная ситуация, то могут созвать собор архиереи. Я думаю, что ситуация в нашем мире и в нашей Церкви развивается сейчас так быстро, что угнаться за ней очень трудно. Святейший Патриарх перенес тяжелую болезнь и сейчас ставить вопрос проведения Архиерейского Собора, я бы сказал, не совсем этично. Мне хотелось бы, чтобы вы поняли, что никто не боится ни архиерейских, ни поместных соборов, но все эти мероприятия затратны. Они затратны финансово, по ресурсам богословским и другим ресурсам. Подготовить Архиерейский Собор - это трудная задача, которая требует времени. Пока Святейший болел, никто из нас этого вопроса не ставил. Думаю, нужно подождать немного, окрепнет Святейший, и Собор соберется в свое время.

В. (протоиерей Максим Козлов): В связи с вопросом о соборах. Безусловно все люди здесь благонамеренные и здесь собравшиеся безусловно понимаем, что решение Церкви о том, чтобы периодичность созыва соборов формально не соответствует документам, она для нас внутренне понятна и то, что спекулируют в околоцерковной, псевдоцерковной или прямо сказать антицерковной средствах массовой информации - это не вызывает у нас никакого недоумения. Но встает вопрос, очевидный, наверное, в нашей теперешней церковной жизни, что рано или поздно будет собрание и Поместного Собора. Какие

критерии вырабатываются теперь для определения представительства на Поместном Соборе в новых церковных условиях? Понятной была ситуация на Соборе 1917-18 гг. В каком-то смысле даже понятной была и в советское время, потому что тогда было все просто, архиереи, один представитель от духовенства и один представитель от мирян. А как мы теперь можем определять представителей из мирян, чтобы с одной стороны, это не было прямо назначением, а с другой стороны, чтобы не допустить катастрофической политизации и разделения в Церкви, каких-то выборов по поводу представителей для Поместных Соборов, которые были бы подобны демократическим выборам в государстве, которые были бы, на мой взгляд, просто катастрофичны внутри Церкви. Есть ли какие-то наработки у Священноначалия по поводу того, как в будущем будут решаться эти вопросы?

О.: Вопрос этот очень сложный и ничего определенного пока нет.

Многие говорят, что мы боимся созыва Поместного Собора. Я думаю, что определенная правда в этом есть. Дело все в том, что мы боимся, что если вдруг откроется дискуссия, то они могут и не закрыться, потому что сейчас, настолько нарушена вертикаль власти, о которой вы задавали вопрос, что иногда доходит просто до безобразия. Люди до конца не понимают, чего они хотят и на сколько это полезно будет Церкви, они будут будоражить сознание церковное.

Это мои размышления вслух, но мне кажется, что с этим мы должны считаться реально, но и потом, я должен напомнить, что действительно только Русская Православная Церковь сохранила практику проведения Поместных Соборов с привлечением мирян и монашествующих. Потому что все другие Церкви, они не только в это время, они исторически имеют под названием Поместного Собора Архиерейский Собор с привлечением представителей монашествующих. Именно на таких Соборах избирается глава Церкви, решаются какие-то вопросы. Мне кажется, что сейчас должно (это опять моё размышление вслух) пройти какое-то время, чтобы с одной стороны опьянение свободой, которую мы получили после развала Советского Союза, а с другой стороны, чтобы те силы, которые работают против Церкви, но под церковным знаменем, чтобы они все отслоились, и были бы ясно, кто они на самом деле, и тогда, я думаю, можно будет реально работать и мыслить в перспективе на то, что Собор, действительно даст ответы на вопросы, и будет как-то согласен с чем-то, иначе это может перерасти в простую говорильню. Будут просто заговаривать, какие-то вопросы поднимать, муссировать, и комиссия будет бесконечно работать. Но это повторяю ещё раз - моё мнение, потому что официально мы ни в Синоде, нигде это мнение не обсуждали. На Архиерейском Соборе вопрос о Поместном Соборе также не обсуждался.

В. (записка из зала): Как вам кажется, не является ли то разделение между иерархией, клириками и мирянами, о котором вы говорили, результатом нецерковности многих людей в Церкви, недостаточной глубиной личного выбора, отсутствием той смерти для всей прежней жизни и непроявляемостью воскресения со Христом при вхождении людей в Церковь?

О.: Во-первых, я против такого мнения, будто бы у нас есть разделение между иерархией, клиром и мирянами. Если вы меня так поняли, прошу прощения, может быть, я говорил о моментах этого разделения, но я против такой формулировки, что между нами стоит стена. Слава Богу, такой стены пока нет. Отдельные у нас есть представители, которые хотят поставить эту стену, хотят нарисовать проблему. И вот вторая часть вопроса, я думаю, будет ответом на первую.

С одной стороны, очень хорошо, что пришли неопиты в Церковь, но с другой стороны - это очень плохо, потому что мне кажется, сила нашего церковного семинарского образования состоит в том, что люди не просто усваивают материал, который они должны

по программе усвоить, но они, живя в атмосфере духовных школы, воцерковляются. Это никак не объяснить языком, но внутренне, подсознательно они начинают понимать историю Церкви, как бы входят в контекст со всей этой историей, отождествляют себя со всей тысячелетней историей Русской Православной Церкви. А те люди, которые пришли наскоком, допустим очень начитанные, но не могут усвоить церковной истории, всех лет мученичества, страдания или расцвета Церкви, не могут через себя это пропустить, относятся ко всему этому лишь как люди, которые констатируют какой-то научный факт, на основании этого делают выводы, я думаю, что в этом - большая беда. И мне хотелось бы напомнить всем нам, что мы призваны к совершенствованию независимо от того, молодые ли мы или старые, если мы чувство совершенствования во Христе утрачиваем, даже если мы являемся священнослужителями, то тогда теряется эта связь со Христом, с Церковью, мы тогда превращаемся в людей, которые могут совершить требу над однополыми людьми, повенчав их. Я не хотел бы, чтобы у нас это было, и я хотел бы, чтобы все мы независимо от того митрополиты, или послушники, или священники, или диаконы - все бы совершенствовались и изучали нашу Церковь изнутри - через молитву, через послушание, воцерковлялись бы всей своей жизнью, тогда будет толк у нас. Если этот процесс мы потеряем, мы превратимся в касту требоисполнителей, и больше ничего, мы потеряем дух Церкви, а это самое страшное.

В. (записка из зала): Как вам кажется, когда будет созван Архиерейский Собор, то какие самые важные вопросы он будет призван решить прежде всего?

О.: Вы знаете, когда готовится Архиерейский Собор, то обычно заранее Святейший Патриарх на Синоде ставит этот вопрос ещё до объявления официального, что мы будем проводить Архиерейский Собор, и постепенно к нему начинают готовиться, т.е. выносятся круг вопросов, которые являются насущными на данный момент, и по этому кругу вопросов ведётся дискуссия, сначала в Синоде, о целесообразности, в каком плане его подать, какому профессору его разработать, какая комиссия или подкомиссия будет работать - начинается нормальный рабочий процесс. После этого объявляется дата Архиерейского Собора и уже начинается официальная подготовка. По тем вопросам, предварительным повестки дня, которые постепенно сформировываются, но она ещё не сформирована, потом проводится расширенное заседание Синода, на котором эти вопросы опять ставятся. И потом уже на Архиерейский Собор выносятся повестка дня, она утверждается, и это не формальное дело. Потому что многие относятся к нему как к формальному, и обычно в этот момент и не обращают внимания, какие вопросы обсуждаются, а это очень важно, потому что каждый архиерей может внести в повестку дня свой вопрос, который важен и который, он считает, необходим. Он может сказать, что этот вопрос недостаточно важен и не нужно тратить на него время, его следует изъять из повестки дня, и после того как, Архиерейский Собор принимает повестку дня с этими вопросами, и создаются какие-то соответствующие соборные комиссии, рабочие группы и этот вопрос начинает жить. Бывают очень тяжелые вопросы, которые прокатываются по документам не один раз, и, казалось, простой вопрос опять отдаётся редакционной комиссии. Бывает так, что вводятся новые люди, кто-то выводится из состава, этой редакционной комиссии до тех пор, пока вопрос не получит ясности и разрешимости, читабельности и понятливости. Вот таким образом избираются вопросы и подготавливаются их решения.

В. (из зала): Ставится ли сейчас вопрос о богослужебном языке в Русской Православной Церкви? Обсуждался ли он вообще на прошедших Соборах?

О.: О богослужебном языке, я думаю, вопрос не новый для нашей Церкви. И если мы обратимся к нашей истории, то у покойного Патриарха Сергия (Страгородского), когда он

был митрополитом Нижегородским, работала целая группа ученых людей, которые занимались переводами богослужения на русский язык. Но насколько остро стоит вопрос введения Русского языка в практику нашей Церкви? Этот вопрос неоднократно ставился, и на Архиерейских Соборах, и на заседаниях Священного Синода, и общее мнение такое - если есть малопонятное славянское слово, особенно, когда это подстрочный перевод с древнегреческого языка, то рекомендовано русифицировать на более понятное, со славянским оттенком какое-то словосочетание. Такого рода работа благословлена Церковью, но зависит это от желания человека воцерковиться, войти в Церковь. Если он пришёл и ему всё непонятно, язык непонятен, напев непонятен - это одно, а идёт к баптистам - там он быстро понимает. Но если он хочет понять и начинает трудиться - у него все получается. Я с детства ходил в храм, для меня не составляло никакого труда, я не знаю, как это может быть на детском уровне, но для меня не было никакой проблемы уже в юношеском возрасте, когда я сознательно ходил в Церковь, что что-то я не понял бы в славянском языке, или что-то не так понял бы в песнопениях. Это годы воцерковления. Это особый язык для общения с Богом, язык понятный для всех. Но греха в том, чтобы перейти на русский язык, никакого нет. Просто, я думаю, наш народ довольно консервативен и в вопросах языка, и в вопросах календаря, и в других вопросах. И это все объяснимо. Почему консервативен? Потому что после октябрьского переворота 1917 года НКВД активно готовило альтернативу "Тихоновской" Православной Церкви в лице обновленцев и вот они то и внесли эти все наработки, которые, может быть, разрешились бы совершенно безболезненно. Вот если бы император Николай II ввел бы новый стиль, я думаю, что ни у кого никаких бы сомнений не было, и все бы его приняли, и все бы жили по новому стилю, но он этого не успел сделать. А живоцерковники, обновленцы это сделали. Сам Патриарх Тихон несколько месяцев жил на этом стиле, но потом увидел, что на Рождество 25 декабря никто не приходит в храм, а 7 января, хотя это была обычная служба, весь народ пришел славить Рождество Христово. И здесь, очень мудро поступил Патриарх Тихон, он отошел от этой практики, и вернулся к старой. Наша Церковь не примет, ни русского языка, ни нового стиля, потому что прошла через огромные страдания обновленчества и мученичества, и эти вопросы очень остро воспринимаются. Сменить йоту, сменить букву - тут же, моментально это равносильно и равноценно изменить вере.

В. (записка из зала): Как вы думаете, почему инославные активнее православных в социальном служении?

О.: Ответ очень простой: деньги есть! Вот и все, вся причина. Вся каритативная деятельность инославных на территории нашей России связана с тем, что они получают иностранные деньги. Им не важно, завести сюда муку или им привезут пакет с деньгами, они здесь все купят, все сделают, все у них великолепно будет работать. Отсюда у них эта активность. Я скажу вам одно, что много раз Россия оказывалась в такой ситуации, как сейчас. Последний раз это было после революции 1917 года, когда очень ожили обновленцы, когда очень ожила Римо-Католическая Церковь, и они очень активно помогали голодным в Поволжье, и, казалось бы, полнейший альянс был у большевиков с римо-католиками, а потом антирелигиозная машина "проутюжила" не только православных, но и католиков, и прогладила их очень основательно, и ничего у них не получилось. Я не желаю продолжения истории, чтобы так же прогладили католиков или православных, или еще кого-то, но верю, что пройдет время, наша Церковь встанет на ноги, и нам не помешают те новые учителя, которые приезжают, или попытки Римо-Католической Церкви организовать здесь свои епархии. Подумайте только, на всей территории России двести приходов Римо-Католической Церкви, часть из которых просто приписки, фальшивки. Не имеют они здесь будущего, и не будут иметь, а будущее будет иметь Православие. Время все поставит на свои места, лишь бы в сердце у нас был Бог, и

лишь бы мы знали, что ради Бога, ради людей мы пришли сюда, в Церковь Божию, для того, чтобы делать что-то и быть совместно со своим народом и дать ему понятие о нашей истории, о нашей культуре, о том, что корни у нас православные, а Православие - это культуuroобразующая и государствообразующая религия. Этим мы живем и этим мы славны, этим мы и должны гордиться.

В. (из зала): Есть ли программы подготовки священников для несения служения в больницах и хосписах?

О.: Таких специальных программ, к сожалению, нет. И мы благодарны тем священникам, которые, получив медицинское образование, берутся за то, чтобы быть служителями в больницах. Это огромный труд и даже не каждый священник-врач выдерживает эту нагрузку. Это, прежде всего, братья, призвание. Как и тюремное служение, так и служение в больницах имеет свою специфику, любого священника туда не пошлешь. А подготовить такие кадры очень трудно.

Приведу пример. Батюшка, правда, без медицинского, но с высшим образованием - окончил МГУ, который мне говорил, когда его назначили в больницу, что он физически боится больных, потому что ему кажется, что все болячки прилепятся к нему. И это правда, есть люди, которые физически боятся этого, хотя священник не должен ничего бояться, абсолютно. Потому что у священника на руках должны умирать больные и это нормально, и независимо от болезни, он должен после того, как причастит потребить после него остатки тела и крови Господней, то есть мы все к этому призваны, но не каждый из нас обладает достаточной силой воли. Дай Бог, чтобы пастырей, желающих послужить в этом качестве людям было больше; людям, которые находятся на испытании своей жизни, дать толчок, ибо вера помогает выздороветь человеку, если он уверует, (такие чудеса случаются - это обыденность нашей жизни) или же подготовить должным образом этого человека в вечность. Дай Бог, чтобы у нас были такие священники!